

песни им. Валерия Грушина, Грушинский фестиваль. Согласно правилам русской орфографии, индивидуализирующий компонент должен выделяться кавычками, которые могут отсутствовать: *Фестиваль активного отдыха Жигулевское море. Зима—2017*. Границы этого разряда онимов размыты, поскольку контексты не всегда содержат признаки проприального статуса рассматриваемых наименований.

Врублевская О. В. Языковая мода в русской ономастике : дис. ... д-ра филол. наук / Волгогр. гос. соц.-пед. ун-т. Волгоград, 2017.

Подольская Н. В. Словарь русской ономастической терминологии. М., 1988.

Хоффманн Э. Имена политических событий и их онимизация в средствах массовой информации // *Вопр. ономастики*. 2008. № 5. С. 90–104.

Dones P. N. Zum Begriff des Eventonyms // *Das Wort: Germanistisches Jahrbuch der GUS*. 2002. P. 35–41.

И. И. Русинова

Пермский государственный национальный
исследовательский университет

Пермь, Россия
irusinova@mail.ru

***Ойкать, ахать и охать*: семантика причинения магического вреда (по данным русских диалектных словарей и мифологических текстов)**

Вредоносное магическое влияние на человека, хозяйство и скот, по представлениям носителей традиционной крестьянской культуры, может осуществляться по-разному. Основными видами такого воздействия у славян являются порча и сглаз. По данным словаря «Славянские древности», вредоносный результат порчи «достигается с помощью разных форм контактной магии, сглаз осуществляется исключительно нематериальными способами воздействия и не обязательно злонамеренно» [Левкиевская, 2009, 597].

В докладе рассмотрена семантика глагольной лексики междометного происхождения, в которой реализуется идея сглаза через похвалу.

В современном обществе (причем не только традиционном) существуют коммуникативные правила, нарушение которых может привести к сглазу. Одно из таких правил — запрет на похвалу, особенно маленьких детей и молодняка скотины. Считается, что особой вредоносностью обладает похвала, выраженная излишне эмоционально и сопровождаемая восклицаниями *ой, ах, ох*, ср.: «Дочь у меня маленькая ещё была. У нас тоже вот родственница. А говорят, ребёнка ведь с ходу нельзя хвалить. Она зашла, пошла на автобус и бегом-бегом-бегом: “Ох, ах!” — и ушла. Она <т. е. дочь> у меня разревелась, разревелась, ничего не помогает» (с. Усть-Зула Юрлинского района¹) [ФА ПГНИУ]; «У меня первый сын рос, он до ц'его глазу боялся, он у меня такой полный мальчишка, хороший. Пришла соседка: “Ой, Славик, какой ты большой, хороший!” <...> Вот я сутки не могла ниц'его с ним сделать» (д. Евсино Юсьвинского района) [Знатки, 158]. При этом наиболее строгий запрет налагается на междометие *ой*, сопровождающее похвалу: «Вот “*ой*” — самое противное слово. Скажут: “Ой, какой у вас ребёночек хороший!”, глядь — а ребёнок уж заболел» (с. Романово Ильинского района) [ФА ПГНИУ]; «“*Ой*” говорить не положено, лучше скажи “Ох!”» (Верещагинский район) [Христофорова, 2010, 322].

Междометия *ой, ох* и *ах* послужили деривационной базой глаголов, обозначающих восклицание для выражения неожиданной радости, удивления, испуга и т. п. Однако в русских мифологических текстах о сглазе семантика этих глаголов иная. Сема говорения дополняется другой — семой причинения магического вреда. Следовательно, глаголы *ойкать, ахать, охать* можно истолковать следующим образом: ‘произносить сопровождающие похвалу восклицания «ой», «ах», «ох», тем самым (обычно произвольно) причиняя вред кому-, чему-л.’: «Нельзя *ойкать*, чтоб не изурочить» (пос. Юго-Камский Пермского района); «Козу изурочили: “Коза да коза”. Чё *охать* да *ахать*! Вот и испортили!» (с. Ермия Чернушинского района) [ФА ПГНИУ].

На основе данных глаголов возникают другие, образованные по модели «*о-/об-* + отмеждометный глагол», которые выражают идею причинения магического вреда более отчетливо, например глагол *обойкать*: «Не ойкай над ребёнком. Говорить “ой” нельзя. <Почему?> Ну почему-то нам всегда так говорили. *Обойкивать* не надо»

¹ Здесь и далее: населенные пункты относятся к Пермскому краю.

(Т. Н. Туктамышева, Пермь; запись предоставлена Ю. В. Зверевой). Надо сказать, что данная модель, в которой принимают участие глаголы речи, в русских говорах довольно активна. По данным [СРНГ, 22, 332–333; 23, 87, 102], это *оговорить*, *озевать*, *озыкать*, *озычать* и др., имеющие значение ‘сглазить’. В пермских мифологических текстах есть глагол *окаркать* с тем же значением. Как правило, глаголы образованы от слов, обозначающих громкие, резкие звуки. В соответствии с данной моделью могут возникать единицы, корни которых называют и другие способы причинения магического вреда: *одумать*, *обсмеять*, *обхохотать* (д. Евсино Юсьвинского района) [Знатки, 158], *обзарить*, *обизорить* [СРНГ, 22, 52, 62].

Проанализировав данные диалектных словарей и тексты русских мифологических рассказов, мы пришли к следующему выводу: глагольная лексика, выражающая в русской языковой традиции идею сглаза словом, часто содержит семы, указывающие на чрезмерную силу эмоций. Уже сама похвала является отходом от нормативного коммуникативного поведения, а похвала, выраженная эмоционально, тем более. Вообще действия, сопровождаемые сильными чувствами, эмоциями, в традиционном обществе не приветствуются. Стоит вспомнить в связи с этим проклятия, «посылания» ребенка к лешему и т. п. В таких текстах выражается не только идея причинения вреда объекту злопожелания, но и повышенная экспрессия. Точно так же традицией ограничивается длительное выражение вдовой скорби, тоски по умершему мужу, сопровождаемой сильными чувствами, слезами, и т. п.

Знатки, ведуны и чернокнижники: колдовство и бытовая магия на Русском Севере / под общ. ред. А. Б. Мороза. М., 2013.

Левкиевская Е. Е. Сглаз // Славянские древности : этнолингв. словарь : в 5 т. / под общ. ред. Н. И. Толстого. Т. 4. М., 2009. С. 597.

СРНГ — Словарь русских народных говоров / гл. ред. Ф. П. Филин (вып. 1–22); Ф. П. Сороколетов (вып. 23–42); С. А. Мызников (вып. 43–). М.; Л.; СПб., 1965–. Вып. 1–.

ФА ПГНИУ — фольклорный архив Перм. гос. нац. исслед. ун-та (Пермь).

Христофорова О. Б. Колдуны и жертвы: Антропология колдовства в современной России. М., 2010.